

Первые публикации стихов Владилена Машковцева состоялись осенью 1955 года, когда он был машинистом турбин на ЦЭС ММК. В общем, — 40-летие творчества. В итоге — 12 книжек стихов и поэм, роман «Золотой цветок-одолен», работа над историей Магнитогорска и новым романом.

Судьба была благосклонна к В. Машковцеву. Он общался с такими писателями, как А. Твардовский, М. Шолохов, Е. Исаев, В. Федоров, С. Городецкий, Р. Ивнев, Н. Рубцов, А. Рыбаков, Р. Рождественский, А. Вознесенский...

Участь в литинституте, был спецкором «Известий». Печатался в газетах «Комсомольская правда», «Труд», «Известия», «Литературная Россия», в журналах «Молодая гвардия», «Огонек», «Волга», «Урал» и т. д. Владилена Ивановича приглашали

в Москву, предлагали высокий пост, но он остался верен Магнитке. Металлурги отлили стихи В. Машковцева в чугуна, на монументе-кубе, что у Дворца им. С. Орджоникидзе:

Будет вечно все, что мы построим,
будет вечен и прекрасен труд...
И потомки городом-героем
город наш рабочий назовут.

Далеко не у каждого поэта отливают стихи в металле при жизни. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей стихи В. Машковцева, написанные в разные годы.

Владилена МАШКОВЦЕВ

Под сводом четырех десятилетий

Прокуроры

Р. Дышаленковой.

Наварила бабка солод,
дров для банки поволола...
В этот час входили в город
два веселых прокурора.
Стало с первой же прикидки
ясно: что-то здесь не чисто.
Улыбнулись у калитки
два дружка-авантюриста.
— Нам шашлык бы, бок бараши,
не поступился ль законом?
— Да, душа пленится баней,
чуло, пахнет самогоню!
Призадумались бы люди,
как смирить порою поров.
Много в мире стало судей
много стало прокуроров.
Ковыляла кривобоко
возле брани бабка Фея,
но возникли у порога
две бородки, два портфеля.
— Здравствуй, бабка!
— Добрый вечер!
— Ищем, бабушка, почлега.
— Мне гостей приветить нечём,
такмо брани дам и хлеба.
Дам огурчиков, картошки,
да еще грибов в сметане.
Вы попейте в бане трошки,
притомились, чай, устали?
И пришельцы согласились
без особых колебаний,
в бане парились и мылись,
наслаждались русской баней.
После — пили, ели сладко
шаньги, рыжики тугие.
И гостей спросила бабка:
— Кто вы, нутики, такие?
Дрогнул чайник от испуга,
кошка прыгнула за шторы.
Стали хвастаться два друга:
— Мы немощно прокуроры!
Две бородки, два портфеля
добродушно шутковали:
— Самогон твой, бабка Фея,
мы, считай, конфисковали!
Да и пресно хлебоболье,
пить со старой не годится.
Ты бы, деревяня, в застолье
посадила молодцу.
Учат мудрости укору,
будем все умнее впродь мы.
Если б знали прокуроры,
что они в гостях у ведьмы.
Где-то фильки ухнул глухо,
цангли царственно тащуют.
Привела метлу старуха,
гости ту метлу целуют.
Как же, красотку, звали —
Метлунера, Тряпсихора?
Всю метлу исцеловали
два смеющихся прокурора.
Что там было или стало
с мухомором в бране крепкой?
Но метла ведь хохотала
и повизгивала девкой.
Завершила разговоры
бабка словом полнодунья:
— Вы немощно прокуроры,
я маленько колдунья.
Сном спасу я вас от нули,
от оплошки, злого века...
И упали, и уснули
два хороших человека.

В. Машковцев с прозаиком Анатолием Рыбаковым.

художника погубит эта уость.
Другой большим поэтом мог бы стать,
но у него вселилась в сердце трусость.
А у тебя в ладонях вспыхнет чудо,
пройдут наплывы зависти, тоски.
И вновь душа откликнется на чуждость...
Садитесь в круг, мои ученики.
Сей юноша найдет чудесный мед,
но будет в жизни первым ветром сломан.
Любимец мой, меня обокрадет,
он просто мной, бедняга, околдован.
Навеют сон оранжевые маки,
из камня брызнут синью родники.
Поэзия таинственна, как магия,
садитесь в круг, мои ученики.
Мы бросим буквы — вырастет береза,
глагол, как колокол,
оплавим в серебро...
И если в слове вашем нет гипноза,
зачем, скажите, в руки брать перо?
Не поклоняйтесь мне, друзья, как Будде,
свои не погасите озонки.
Я знаю, кто из вас великим будет.
Садитесь в круг, мои ученики.

Синьорита

На луне заплакал клоун,
солн плещуля перекате...
Детством сладко околдован,
вновь иду я к старой хате.
Хата эта не богата
и соломою крыша крыта.
Прожила здесь когда-то
чародейка Маргарита.
Родом вроде бы с Валдая,
темнокоса, черноока.
Знали мы, что молодая
бедовала одиноко.
Куркули икали сыто,
не являлись с Маргаритой,
и в насмешку Маргариту
называли синьоритой.
И смотрели бабы косо,
как при стирке у карыта,
распустя волнисто косы,
напевала синьорита:
— Милый мой,
жених мой бедный,
бутовщик, бродячий клоун.
Ох, к луне он цепью медной
злым волшебником прикован!
И украсно перевита
по селу ходила бредня,
будто наша Маргарита —
натуральнейшая ведьма!
Мир судил за самоваром,
у колодца, у прилавка,
что к луне в корыте старом
ночью шастала чернявка.
Для чего же Маргарите
на луну летать в корыте?
Да и каздый школьник знает,
что корыто не летает!
Спорил я тогда вердито:
— Зря вы, люди, говорите!
Ведь не может синьорита
улететь к луне в корыте!
Я не мог поверить в небыль,
в наговор на синьориту.
Но однажды ночью в небе
я увидел Маргариту.
В тучах молния блеснула,
там летела Маргарита.
Мне она рукой махнула,
улыбнулась из корыта.
Стала жизнь моя загадкой,
чудом, тайной неоткрытой.
И уснул я сладко-сладко,
озаренный синьоритой.

Садитесь в круг, мои ученики

Когда огонь проявит буйный танец,
не оторвешь ты с легкостью зрачки...
Не вижу, кто из вас великим станет,
садитесь в круг, мои ученики.
И вас пронзит невидимое лезвие,
и скатится слеза, как лазурит.
И может быть, войдете вы в поэзию,
когда судьбой Россия озарит.
Враги мою могут оскверняют,
но я встаю засилью вопреки.
Да-да, учителя не умирают,
садитесь в круг, мои ученики.
Один из вас не видит вражью рать,

Дурилла

В. К. Огаркову.

У деда Кирилла
хатенка корява,
плетень покосилась
и крыша дырява.
Сарай повалился,
упали ворота...
Начальство смотрело
глазами народа.
Жил дед одиоком
и не было спросу,
но привезли ему
бревна и тесу.
И часто за чаем сосед отмечал:
— У деда Кирилла
топор застучал!
Месяц проходит,
народ говорит:
— Иди, председатель,
Кирилл-то дурил!
Какое-такое
имеет он право?
Плахи ситратил,
а крыша дырява!
Явилось начальство
и глянуло хмуро:
в имени деда
стояла скульптура.
Дурак деревянный
с огромной дубиной,
а у создателя
взгляд голубиный.
— Что это? —
люди спросили Кирилла.
А дед сколорошичал:
— Это Дурилла!
И все отступились,
махнули рукой.
Мол, бревна пропали,
ведь он же — такой!
Но, видно, случилось,
какое-то чудо,
иль дед был художником,
что-то там чуял.
И пресса московская
заговорила,
и стал знаменит
деревянный Дурилла.
Туристы из Англии,
Австрии, Польши...
Гостей именитых
все больше и больше.
Американец
однажды Кириллу
три миллиона
давал за Дурилу.
И деду в награду
своим чередом
люди поставили
рубленый дом.

что оглобли кривые.
Остался базар,
а возок за лесалми...
Никто не сказал,
что без лошади сани.

Графиня с метлой

Жила в нашем доме графиня
без роскоши, неги былой,
но найду паркет парафинила
и двор подметала метлой.
По праздникам в чепчике белом
в своем неподдельном добре
русские сказки с распевом
читала она детворе.
А в годы войны, непосытна
для подвига и ремесла,
кольцо с бриллиантом фамильным
в фонд Армии Красной внесла.
Шумец раскидисто вязы,
летели победно года...
Но не кончается сразу
бывших сословий вражда.
И дворник соседский по пьянке
угрюмо сопел, говоря:
— Этой гражданке-дворянке
метлу доверюм зазря!
Сжымал он кулак свой до хруста,
уверенный в чем-то и злой.
И снова виновно и грустно
сникала графиня с метлой.
Но мы помнили прекрасно,
чуяли сердцем, верней,
то, что возмездие класса
давно не висело над ней.

В. Машковцев с поэтом Николаем Рубцовым.

Сто девчонок с рыбзавода

Мы лежим на сонке, взмокли,
и по очереди — блажь —
битый час глядим в бинокли
на запытый солнцем пляж.
На камнях прет ротом,
а у моря косяком
сто девчонок с рыбзавода
загорают голяком.
Старшина гладнул медали...
— Не солдаты — дурачье,
бабы голой не видали,
али там другое чо?
Парни сбросили пилотки,
закричали в валуна:
— Там Венера, возле лодки,
посмотрите, старшина!
В торсе лишнего ни крошки,
плечи, руки, а глаза!
Потрясающие ножки,
как из мрамора краса!
Старшина скривился вроде,
окуляр зажал в горсти:
— Ни грудей нет, и ни бедер,
и ни... господи прости!
В приказной сердитой фразе
заудел он, будто медь:
— Я на это безобразье
запрещаю вам глядеть!
Старшина в блокноте сером
записал карандашом:
— В сельсовет. Примите меры,
чтобы мстят Венера
не купались нагишом!
Уходила в сонки рота
с полной выкладкой, в броске...
Сто девчонок с рыбзавода
загорали на песке.

Притча о чуде

Ехали сани
без лошади — сами,
ехали сани
до самой Казани.
Ехали сани
под гору и в гору.
Проехали сани
и возле базара,
и около свадьбы,
и мимо позсара.
Те сани отважно
и быстро катили
мимо церквей,
мимо школ и коптели.
Свистели метели,
морозы крестили,
сани летели
по снежной России.
Глядели на сани
с бугров мужики,
лежали на сене
в санях сундуки.
Остаться никто не хотел
в дураках,
и спрашивал каздый:
— А что в сундуках?
А кто-то,
как будто смотрел не впервые,
вслух отмечал,